

**УЧЕНИЕ О СУЖДЕНИИ  
В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ  
ФИЛОСОФИИ ЭМИЛЯ ЛАСКА**

**DOCTRINE OF JUDGMENT  
IN TRANSCENDENTAL  
PHILOSOPHY OF EMIL LASK**

**Аннотация.** Статья посвящена анализу учения о суждении выдающегося немецкого философа Эмиля Ласка.

**Ключевые слова:** логика; философия; критицизм; теория познания; трансцендентное; имманентное; трансцендентальное; суждение; субъект; предикат; ценность.

**Сведения об авторах:** Бурханов Рафаэль Айратович<sup>1</sup>, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии и социальных наук; Соловьева Наталья Сергеевна<sup>2</sup>, кандидат философских наук, доцент кафедры иностранного языка.

**Место работы:** Нижневартовский государственный университет.

**Abstract.** This article analyzes the doctrine of judgment by an outstanding German philosopher Emil Lask.

**Key words:** logic; philosophy; criticism; theory of knowledge; transcendent, immanent, transcendental; judgment; subject; predicate; value.

**About the authors:** Burkhanov Rafael Ayratovich<sup>1</sup>, Doctor of Philosophy, Professor of Department for Cultural Studies, Philosophy and Social Sciences; Solovyova Natalia Sergeevna<sup>2</sup>, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Foreign Languages.

**Place of employment:** Nizhnevartovsk State University.

**Контактная информация.** 628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56. Тел. <sup>1</sup>89090355304; <sup>2</sup>89028581693.  
E-mail: <sup>1</sup>ra.nvarta@gmail.com, <sup>2</sup>vogeln@mail.ru

Выдающийся представитель Баденской (Фрейбургской) школы неокантианства, ученик ее основателя Вильгельма Виндельбанда *Эмиль Ласк* (1875—1915 гг.), является, по меткому выражению Генриха Риккерта, «одним из самых сильных философских талантов нашего времени» [5. Bd. 1. S. XIII]. С 1910 г. вплоть до начала Первой мировой войны Ласк в качестве профессора преподавал в Гейдельбергском университете, затем ушел на фронт, где вскоре погиб. Его основные произведения: «Идеализм Фихте и история» («Fichtes Idealismus und die Geschichte») (1902 г.), «Логика философии и учение о категориях» («Die Logik der Philosophie und der Kategorienlehre») (1911 г.) и «Учение о суждении» («Die Lehre vom Urteil») (1912 г.).

**Учение о суждении как ядро теории познания.** Теория суждения является основой трансцендентальной логики Ласка [6. S. 189—206]. Собственная деятельность познания заключается в суждении, считает философ, поэтому теория суждения также является и теорией познания. Две сферы понятий определяют гносеологию: реальная сфера и сфера предметного владения. С одной стороны, понятия изображают очертания мыслительного процесса как учения об активной стороне познания; с другой — они обозначают объект познания и то, как он независимо от познания направляет его. Ласк стремится «...установить связь учения о суждении и основных понятий теоретической философии, *установить области суждения* через их измерение в *трансцендентально-логической* первоначальной структуре, [определить] *ее абсолютное место в общей связи логики*» [4. Bd. 2. S. 288].

Категории суть формы, которые придают материалу объективность для познания. Логика познавательных объектов имеет дело с категориями как предметами (объектами) познания, поскольку на них направляет свою активность субъект познания. К этой деятельности относится и суждение. Логика суждения излагает этим не феномен объективности, а феномен овладения этой объективностью через активность объекта. Следовательно, учение о суждении относится не к области истины, которая отображает предметы, а к области, где эта истина копируется. *Учение о суждении образует ядро учения о познании, но не центр учения об истине*, подчеркивает Ласк. Оригинал истины лежит за пределами суждения.

Исходя из истины, суждение кажется вторичным, а исходя из познания, оно образует исходный пункт всех гносеологических теорий, поскольку является собственно активностью субъекта. Поскольку оно не принадлежит к области предметов, то трансцендентальной логикой оно даже не обсуждается. Суждение относится к формальной логике и не имеет значения для предметов (объектов) познания. Предметы предпосылаются суждению, они дают суждению направление и при этом делают возможным (т.е. обуславливают) смысл суждения. Поэтому *учение о структуре суждения также является и учением об имманентном смысле суждения, его значимости и ценности, учением о том, что суждение полагает.*

Мнение, которое познающий субъект «нацеливает» на объективный предмет, считает философ, может теоретически «встретить» этот предмет (т.е. «попасть» на него), но может и «пропустить» его (т.е. «промахнуться»). Здесь в полной мере выявляется неокантианская позиция Ласка, согласно которой предпосылки истинности или ложности содержатся уже в самом субъекте познания, в его способности к трансцендентальному «усилию», направленному на объект познания. Истинность и ложность, таким образом, определяются в результате теоретической «встречи» субъекта и объекта, точности «попадания» или «промаха» действий познающего субъекта, верного или неверного «ухватывания» им смысла. «В каждой структуре смысла суждения, — пишет гейдельбергский ученый, — находятся два положительно или отрицательно определенных характера ценности, один из которых обозначен согласием или отрицанием, [а] другой расположен в первоначальном *объекте* согласия и отрицания. Необходима не только встреча и заблуждение, но и смысл суждения меры. И в этой мере измеряется правильность и ложность смысла, точность и ошибочность поведения. Теоретическая встреча является ничем иным, как [встречей] с единоголосным объектом решения суждения, т.е. правильным смыслом, [а]... заблуждение — ничем иным, как ошибочным истолкованием. Верное и неверное, наоборот, совпадает с изменяемым от удачного и промахивающегося (верного и ошибочного. — *P.A., H.C.*) отношения смыслом» [4. Bd. 2. S. 299].

Вместе с деятельностью суждения, подчеркивает немецкий мыслитель, всегда дана противоположность смысла [Sinn], поскольку сфера познания и сфера смысла принципиально различаются: первая принадлежит к бытию, вторая — к значению. Именно структура суждения образует этот противоположный смысл. В смысле суждения важную роль играет противоречие между ценностью мнения и необходимой вследствие этого предполагаемой малоценностью. Это возможно потому, что суждение ссылается на единый непротиворечивый объект воззрения. Поэтому учение о познании и суждении должно основываться на том, что мнение или полагаемое могут выражаться одновременно. Это проявляется в альтернативной возможности рассуждения о суждении и его предмете.

При этом Ласк предлагает различать два противоречия: теоретическое «попадание» и «промах» полагаемого, т.е. противоречие в суждении и противоречие в полагавшем, отделяемая от мнения истина и неистина как предмет суждения. Подразумеваемый смысл суждения образует множество смысловых фрагментов, которые «стоят» в определенной структуре, обосновывающей рассуждение о суждении. Структура составных частей смысла, изложенная в субъекте и предикате, может меняться в зависимости от готового («решенного») суждения и возникает только через нее. Через «решение» суждения, подчеркивает философ, сочетание структуры суждения получает положительное и отрицательное мнение, вследствие чего его структура становится ценной или малоценной. Состоящая из «решений» структура суждения должна отличаться от утверждения и отрицания, образовавших «решение». Изначально структура сама должна быть либо ценна, либо малоценна, лишь на этом основывается ценность и малоценность готового («решенного») суждения.

Следовательно, рассуждает немецкий мыслитель, структура образует первичный объект суждения, который «перетекает» в «решение» суждения. Она, как смысл суждения,

заключает в себе возможности истины и заблуждения, поэтому подлинность и ложность осуществляются не только через готовое суждение. Подлинность и ложность являются возможностью уже в структуре смысла и постоянстве высказывания предпосылать «решенное» суждение.

В каждом значении суждения есть пара различных положительных и пара различных отрицательных значений; каждая пара ценна в принятии «решения» и каждая пара ценна в первоначальной смысловой структуре. Ценная пара в рассуждении о суждении называется, по Ласку, «верно и неверно», а ценная пара смысловой структуры «решения» называется «соответствует истине или противоположно истине». В зависимости от того, соответствует ли готовое («решенное») суждение смыслу, присущему ценности, или оно является малоценным, это суждение является верным или неверным. Независимо от принятия или заблуждения по поводу структуры смысла посредством «решения» суждения имеется соответствие и несоответствие истине, состоящей из «решения» смысла.

Если в готовом суждении смешиваются его ценность и малоценность, утверждает философ, то можно говорить о заблуждении; однако заблуждение — не просто путаница, а замена ценностных противоречий. Предмет заблуждения создается не ошибкой рассуждения, заблуждение уже лежит в основе отрицания ценности, которая существует независимо от готового («решенного») суждения. Ведь независимо существующее, содержащее или не содержащее истину, суждение смысла уже предполагает готовое суждение: оно образует материю для ссылающегося на них «решения». Эти структуры, напротив, не являются истиной или заблуждением о смысле суждения, которое возникает только через «решение» или через собственное мнение, как это происходит в «решении», являясь истиной или заблуждением.

Активность субъекта в рассуждении о суждении всегда направлена на независимые, ценные для самого субъекта предметы, делает вывод Ласк. Конечно, они являются не в-себе-существующими последними предметами познания, а внутренними предметами, но все же они независимы от процесса «решения» суждения и стоят между центром активности, который лежит в готовом суждении, и объективными предметами. Они образуют исходный пункт теории мнения, ибо «находятся» во внутренней и выходящей за пределы опыта сферах.

**Строение элементов смысла в суждении и в готовом («решенном») суждении.** Структура смысла состоит из элементов, чьи совпадающие соединения отображают действительный смысл суждения. Отдельные элементы не имеют для себя ни положительного, ни отрицательного значения: лишь их сочетания заключают в себе ценность. В итоге соответствие или несоответствие истине основывается на комбинации элементов смысла суждения.

Готовое («решенное») суждение, считает философ, обладает предметом лежащих в основе соединений элементов смысла суждения, при котором становится успешным «решение» и размер утверждающей принадлежности или непринадлежности «решению» суждения. («Да» — объяснение принадлежности, «нет» — объяснение непринадлежности). Объектом для формального объяснения принадлежности и непринадлежности является материальное сосуществование элементов, *материальная истина*, а материальное совпадение (принадлежность) имеет свою меру в себе-сущем-предмете, в познании материальной истины.

Поскольку предмет состоит из *формы* и *материи*, полагает Ласк, то форма приспособлена к материи: материальная истина определяет формальную правильность и предшествует ей. Элементы суждения в их действительном единстве следуют за первоначальными предметами, которые передают в их материальной истине норму первичного подлинного или ложного объекта суждения. Материальная истина предшествует формальному мыслительному решению и обосновывает его; она положительно предлагает объект, который должен

быть признан. Первичный объект суждения уже содержит в себе ценностное противоречие. В процессе познания *формальная истина* происходит от изначальной материальной истины, но показателем всех выводимых истин все же является ценностное противоречие, которое отображает гносеологическую активность субъекта и его возможный «успех» или «неудачу».

Естественно, что на каждом последующем этапе познания, подчеркивает гейдельбергский ученый, роль субъекта становится сильнее. Так, существует первичный объект суждения, истина и отношение составных частей смысла друг к другу, которые могут быть в себе истинны или противоположны истине; эта истина выступает лишь через действительные подтверждения. Здесь находится источник неверной видимости (т.е. иллюзии) о том, что этапы целого смысла являются нейтральными по ценности соединениями, которые сохраняют ценность через формальный процесс подтверждения. Ценность подлинности, разумеется, содержится в качестве нового «решения» суждения, но оно следует своим нормам, материальной истине в самой структуре суждения. Связь (отношение) элементов порождает эту норму, и в самом моменте связи находятся истина или противное ей в истинной структуре, в то время как отдельные элементы истины гносеологически нейтральны.

Эти смысловые элементы связаны копулой перед принятием утвердительного или отрицательного мыслительного «решения», содержащего в себе момент связи, который может подтвердить или опровергнуть «решение». «Последние элементы отношений — это субъект и предикат; их индифферентная, стягивающая элементы связь, есть копула, — пишет философ. — Таким образом, логика всегда должна приходить к тому, чтобы разделить остающийся за вычетом противоположного качества качественно-индифферентный состав на субъект, предикат и копулу. Так и копула должна попасть согласно ее представлению в область индифферентных составных частей» [4. Bd. 2. S. 314].

Копула не нейтральна по ценности, как субъект и предикат, а также составные части смысла, ибо ей не присущи лишь правильность и неправильность мыслительного «решения»; напротив, она содержит в себе ценность, соответствующую истине, или неценность, противоположную истине. В этом и заключается, по Ласку, материальная истина, которая способна стать объектом мыслительного «решения». Связь материи должна быть обозначена как форма, копула связывает материю в субъекте и предикате и выступает как форма. Эта форма уже несет в себе ценностное противоречие и не может рассматриваться как ценностно-нейтральная материя. Правильность суждения связывает не только элементы: связанный, материальный, истинный смысл лежит в основе любого логического суждения. «Копула, — замечает философ, — оказывается лишь творением... обособленным производением абстракции, а именно, общей маленькой частицей тесной связи неразделяемой принадлежности и непринадлежности элементов [суждения]...» [4. Bd. 2. S. 314]. Термин «копула» обозначает гармоничную или дисгармоничную тесную связь элементов объекта «решения» суждения.

**Связь субъекта и предиката в суждении.** Суждение основывается на активности субъекта, полагает Ласк, в своей материи оно указывает на предмет и проводит его через изменение во внутренней области в его нормальном значении. Расположение составных частей смысла указывает на первоначальную структуру предмета: субъект и предикат являются творением активности, но в субъект входят лишь элементы предмета, которые в предмете означают лежащее в основе, в то время как предикат содержит элементы предмета, которые окружают это лежащее в основе. Субъект и предикат представляют собой понятие, являющееся составом других понятий. Однако соединение понятий происходит только в суждениях: сложное понятие уже в суждении имеет предпосылку к своему возникновению, а само суждение вновь пользуется элементами для соединения, которые до объединения существовали раздельно. Другими словами, эти элементы несут в себе определение, которое они направляют на определенное место в суждении. На них основывается основная структура предмета, независимая от действия субъекта в суждении.

Основу для такой теории, отмечает Ласк, дал Аристотель. Согласно его философии, подлинным субъектом является онтологически лежащая в основе субстанция, а все сущее имеет четыре причины или начала. Это, во-первых, форма или сущность; во-вторых, материя или субстрат; в-третьих, источник движения или творящее начало; в-четвертых, цель. Аристотелевская «форма» — это платоновская «идея», превращенная из трансцендентного первообраза в имманентный принцип вещи. В учении Стагирита материя есть чистая возможность (потенция), а форма — возможность этой потенции (энтелехия). Поэтому активная форма делает материю действительной, т.е. осуществленной в конкретную вещь: «...Ведь из сущего в возможности всегда возникает сущее в действительности...» [1. Т. 1. С. 245].

В теории познания, замечает Ласк, Аристотель одним из первых предпринял разработку *трансцендентального метода*. Его учение о категориях имеет двойственный логико-семантический характер: категории — сущность, количество, качество, отношение, место, время, состояние, обладание, действие, страдание — выступают как предикаты сущего и одновременно как формы мысли. Таким образом, аристотелевская теория перемещает структуру предмета в металогическое: составная часть смысла суждения, логических функций, алогичное состояние предмета. Дальнейшее развитие эта теория получила в схоластических учениях европейских средневековых философов.

Несмотря на историческую ограниченность этих учений, «...в аристотелевско-схоластическом различении “формы” и “материи” теоретических образов содержится глубокий смысл, — пишет баденский философ. — Материя — это самостоятельно заимствованное из предметов состояние, которому принадлежат реальные элементы субъект и предикат. Форма, напротив, состоит в особенных сложностях структуры, которым предметы подчиняются в теоретической области. Предметы представляют собой сырье или освоенный материал, теоретические структурные феномены, формы соответствующего инструменту преобразования и обработки; предметам чужды и подлинные (исконные. — Р.А., Н.С.) формы “мышления” и “познания”, в которые предметы попадают в теоретическом процессе» [4. Bd. 2. S. 355].

«Коперниковское открытие» Канта, подчеркивает Ласк, образует поворотный пункт в общем развитии теоретической философии и логики. «Теоретическое освободилось от ситуации только скопированного и неотчетливого коррелята предметов, сфера [его] влияния распространилась внутри предмета. ...Таким путем логическое продвинулось на территорию предметов как учреждающий момент, охватив совершенно новый круг [явлений], который, кажется, раньше относился к металогическому, как области знаний логики» [4. Bd. 2. S. 286].

Но даже «коперниканский переворот» в философии не полностью вывел оригинальный предмет из сферы суждения, а связал его в структуре предмета логическими и алогическими элементами. Ведь, по мнению Канта, вещи в себе аффицируют наши органы чувств, доставляя рассудку материал для оформления его категориями [3. С. 75, 93, 153, 156, 234—235]. Получается, что оригинальный предмет в преобразованном виде все же находится внутри сферы логического, а суждение и его составные части имеют перед собой логический предмет, которому стремится подражать смысловая структура суждения. В свою очередь, предмет делится на алогичный материал и логическую форму: форма и материал предмета дают смысловой структуре суждения основу для положения субъекта и предиката, а первоначальная структура предмета проявляет категориальную форму.

Но это понятие формы не совпадает с понятием формального в рассуждении о суждении, возражает Ласк Канту. Категория — это форма, в которой находится содержание, а формы суждений и заключений — вовсе не формы структур логических отдельных элементов. Логическая форма категорий в структуре смысла сама образует элементы суждения, а не соотношение элементов в суждении. Она, конечно, указывает на принадлежащий ей элемент, на материал и, кроме того, несет в себе связь. Эта связь основывается не только

на форме суждения; категория сама является важным элементом по отношению к материалу: никакая другая форма не входит в первоначальную структуру предмета между формой и материалом.

В удаленной от оригинального предмета форме как суждению непосредственная связь материала и формы утеряна, считает Ласк. Подлинное суждение отражает структуру предмета, материального содержания и формы. Структура предмета образуется из материала и формы логический основной феномен, который, меняясь, повторяет все производные логические формы. Действующее познание отыскивает предмет и копирует объективную структуру формы и материала в субъективно-логическую форму. Активность субъекта может преобразовать оригинальную объективную форму в копию, а всегда повторяющийся процесс познания может поставить материал в логическую форму. Однако «даже совпадающая копия предмета вовсе не равняется предмету, скорее, той же пропастью подражания отделена от него...» [4. Bd. 2. S. 358].

В свою очередь, материал, к которому только что присоединилась форма, мыслится как независимый от формы, но при этом необходимый, элемент познания. Облечь этот независимый материал в форму и есть задача познания, утверждает философ. К материалу также относится и определенная логическая форма: она должна дополняться к материалу, поскольку ссылается на особый материал в значимом содержании. Материал как неизвестное образует цель познания; то, что необходимо познать, связано с предметом познания. Подлинный субъект, который берет в основу суждение и форму, является материалом, а настоящее суждение об этом, т.е. предикат, отображает форму. Первоначальная структура формы и материала представляет собой предмет для познания, а в его частях также дает прообразы для составления копии суждения; в материале и форме находятся объективные элементы для субъекта и предиката суждения, независимо от формы завладения они передают оригинал через субъект грамматико-языковой формы высказывания.

Процесс познания облачает материал в подходящую форму, подчеркивает Ласк. Суждение моделирует объективную оригинальную структуру в субъект и предикат, а отношение друг к другу — в копулу. Но собственное действие сочетания происходит в готовом («решенном») суждении, в котором выделяется активность познающего субъекта. При этом понятия, образующие субъект и предикат суждения, нельзя переставлять произвольно, поскольку помимо грамматико-языковых высказываний каждая часть имеет обоснование в объективной структуре формы и материала, которые невозможно идентифицировать, не отображая самостоятельную функцию познавательного контекста. В каждом окончательном процессе функции материала должна быть противопоставлена функция категориальной формы, эти функции могут выражать и субъективные формы восприятия. Лишь тогда высказывание имеет смысл, который возникает через отношение к объективному.

Тем не менее языковое выражение объективного предмета не передает структуру смысла идентично, а лишь многократно сливает элементы формы и материала в понятие, подчеркивает Ласк. В свою очередь, понятие субъекта, как и понятие предмета суждения, содержит элементы объективных форм как материала и относит комбинацию предиката к комбинации субъекта. Чтобы отобразить изначальное разделение материала и формы, как их содержит объективный предмет, материал предмета должен быть отделен от своей категориальной формы. Объективному материалу, который в грамматической форме разделен на понятия субъекта и предиката, реально противопоставлена лишь форма, выраженная в высказывании через отношение.

Предикат в собственном смысле есть категориальная форма, а все, что эта форма несет, называется материалом, поясняет философ. Но языковое выражение в суждении противится четкому разделению формы и материала. Грамматическое выражение ставит понятие, которое неразрывно несет в себе форма, на место материала. Однако в понятии существует как результат уже связанная функция обеих объективных частей структуры материала

и формы, она предполагает наличие обоих членов предмета. Понятие, которое в качестве субъекта лежит в основе суждения, имеет в себе материал, соответствующий категориальной форме.

Материал в субъекте суждения «стоит» в двойной связи с двумя разными категориальными формами: грамматико-языковое выражение излагает структуру понятия не обособленно, а как результат логической операции суждения. Несмотря на это, каждый понятийно сформулированный результат указывает на источник познания и материал, на который имеет влияние форма. Но в форме суждения категориальная форма попадает в материю суждения, в понятия, которые отображают содержание суждения как субъект и предикат.

Итак, приходит к выводу Ласк, суждение нигде не дает чистую категориальную форму отдельно от материала и не в копуле, которая выражает связь субъекта и предиката. Сущность категории не исчерпывается получением связей между материальными понятиями, так как категория сама является частью предмета. Поэтому категория должна быть понята «как принадлежащая реальной сфере форма содержания», «как учреждающая предмет логическая форма» [4. Bd. 2. S. 381, 389]. Категория может *выражать* связь, но не каждая категория *означает* связь: бытие не связывает два материала, а указывает на один. Форма суждения отображает процесс овладения субъектом объекта. Но предмет, который объединяет сущее в себе, материал и сверхчувственную форму, не принимает во внимание языковую форму суждения, поскольку устройство предмета имеет метаграмматическую структуру. Не выраженный языковыми средствами метаграмматический предмет является последней инстанцией познания, где форма суждения образует вторичный объективный феномен.

**Ценное и неценное в субъекте суждения и нейтральная ценность предмета.** Если оригинальная структура образует принадлежащую друг другу структуру материала и формы, считает Ласк, то суждение, противоположное истинному, сочетает материал и несоответствующую истине форму, т.е. перемещает материал и форму. Само это перемещение не может иметь в предмете своего источника, только субъективность [Subjektivität] может понять или не понять смысловое [einsinnig] строение. Подобное понимание или непонимание возможно через многообразие категорий, которые ссылаются на материал. Из этого следует, подчеркивает философ, что *ценность или неценность вообще могут быть приписаны лишь активности познающего субъекта*. Более того, «ценностность может находиться... только в нечувственном», поскольку «теоретический характер значимости в действительности может основываться только на теоретическом значении предмета как предмета» [4. Bd. 2. S. 397].

Сам по себе предмет не знает ни ценности, ни неценности, он безразличен к ценности в общей структуре и единичных частях процесса познания. Взятые обособленно материал и категории также не могут быть названы ценными. Лишь смоделированное активное отношение в теоретических «попаданиях» («встречах») [Treffen] и «упущениях» («промахах») [Verfehlen] субъекта познания дает место оценке: ценность или неценность не содержится в предмете и не отделяется от гносеологического отношения, ибо «противоположный момент значимости находится не в отдельных, взятых для себя элементах, а лишь в их связи, в их расположении, в их отношении друг к другу» [4. Bd. 2. S. 308].

Согласно основным понятиям «коперниканской» философии, рассуждает Ласк, материал познания следует окружающей форме. Другими словами, чувственный материал упорядочивается априорными формами. Но у Канта с его учением о «вещи в себе» все еще имеется старое положение материальной истины: *познание так моделирует предмет, как оформленный материал его определяет* [2. Т. 3. С. 127, 333]. Поэтому основой всех истин в его философии также остается материальная истина. Из нее выделяется истина рассуждения о суждении как формальная истина, в ней речь идет о совместимости суждений друг с другом. Однако материальная истина, соответствующая предмету, несмотря на активность познания, все же имеет свое определенное влияние.

Кажется, что это противоречит «коперниковскому» началу кантианской философии, чей основной тезис гласит, что *не познание следует предмету, а предмет познанию*. Здесь необходимо отметить творческое начало трансцендентализма и особый путь овладения предметом, как это происходит в активном суждении. Но если бы материал в логической обнаженности мог иметь внетеоретическое состояние, возражает Ласк основоположнику критицизма, то, будучи теоретически озадаченным, он бы охватывался значимой формой, которая, как у Канта, для всех вторичных видов завладения истиной изображала бы реальный оригинал. Однако нет теоретического предмета, который в теоретической форме не является материалом. Эта изначальная форма и есть категория.

Преимущество теоретической формы перед материалом вообще имеет силу для теоретического познания, поскольку в суждении ценится преимущество материальной истины. Материал в категориальной форме становится предметом для материальных составных частей суждения и их взаимосвязей и невязимосвязей, которые устанавливаются в рассуждении. В свою очередь, материальная истина образует основу для формальной истины в суждении.

Если и существует взаимосвязь и невязимосвязь высказанного материала и точной формы отмеченного признака активности суждения, то этот признак не может быть найден в теоретическом предмете, утверждает баденский мыслитель. В соединении разделенных частей суждения четче отражается взаимосвязь и невязимосвязь, гносеологическое «попадание» («встреча») [Treffen] и «упущение» («промах») [Verfehlen]. Но в реально-нормированном предмете не дано ни взаимосвязи, ни невязимосвязи материала и формы; предмет совсем не показывает отделения материала и формы. Предмет суждения, т.е. строение категориальной формы и материала, «стоит по ту сторону» структуры суждения и его отделения от материала и формы субъекта и предмета.

При этом категория в суждении вовсе не выполняет функцию копулы, которая соединяет две составные части познания. Единство суждения в копуле — это общая функция, которой не знает реальная структура. В предмете все структуры определены особенностями материала, а единство в своей универсальности вообще оказывается искусственным продуктом суждения. Здесь подразумевается, что форма и материал образуют в предмете единство, и их можно разделить лишь искусственно. Не только невязимосвязь противоречит предмету, также и взаимосвязь предполагает разделение элементов, поскольку соответствующая и противоречащая истине структура предполагает пропасть между оригинальными реальными структурами. Следовательно, истина и заблуждение представляют собой продукт искусственного разрыва единого объединения.

В оригинальном (т.е. первоначальном) предмете нет ни раскола между отдельными частями, ни образованного ценностного противоречия «соответствия и несоответствия истине», так как ценностное противоречие относится к области подражаемого субъективного действия, а сам предмет находится вне ценностного противоречия. Части категориального единства являются категориальной формой и материалом, понятиями, которые одновременно содержат в себе форму и материал. Поэтому реальную структуру суждения Ласк понимает как «простое стояние» категорийного материала в категориальной форме. *Суждение, которое этот предмет моделирует, прибавляет оригиналу совсем новые черты, даже если оно создает реальную копию*. При этом важным является ценностное противоречие, которое возникает в области суждения и основывается на расколе между формой и материалом; вследствие активности субъекта познания оно содержит теоретическую возможность «встретить» («попасть») [zu treffen] или «пропустить» («промахнуться») [zu verfehlen] предмет.

В свою очередь, поясняет философ, оригинальный предмет содержит не только атеоретический материал, но и теоретическую форму, ибо сверхчувственный предмет без ценностных противоречий имеет теоретическое значение и показывает себя как до- и атеоретический образ. Если связь реальной структуры находится в форме, то доформальный элемент



структуры — это материал. Материал образует вместе с категорией предмет познания, но в теоретическом отношении не он один имеет смысл. Теоретические отношения возможны лишь из формы, поскольку теоретическое значение и теоретическую реальность в структуру вносит только категория. Материал, который может быть бесформенным, логически обнажен и теоретически может принадлежать другим ценностным отношениям, но это не зависит от теоретической формы. «Материалу», следовательно, необходимо противоположное звено — «форма», по отношению к которой «материал» есть «сущее-в-себе противоположное звено».

*Здесь Ласк вплотную подходит к обоснованию метафизики как трансцендентального учения о сверхчувственном.* В каждом материале как имя для ситуации, утверждает он, лежит Нечто, которое «прилегает» к значимому формы и которое служит другим формам как материал. Форма и материал, с одной стороны, обозначают ситуацию прочной зависимости друг от друга, хотя то, что однажды проявляется в материале-в-себе, т.е. само-по-себе-бытие [An-sich], делает его независимым от формы. С другой стороны, форма есть значимое, которое может быть мысленно отделено от ситуации как значимая форма, значимое и доматериальное. Когда форма и материал объединяются, они образуют объективное единство, чья связь заключается в значимом формы, которая и составляет сущность формы. Это единство не может быть разорвано без уничтожения отношения формы и материала. Форма уже содержательно выполнена, ее можно искусственно отделить от материала, и тогда возникает пустая форма, которая образует взаимосвязь с материалом. В противовес этой мыслительной абстракции, т.е. разъединению пустой формы и материала, в реальной структуре формы и материала лежит дающая единство связь значимого формы и выполненного материала.

Итак, подчеркивает Ласк, *форма и материал ничто друг без друга, они не могут быть разделены.* Обе части предмета связываются через дифференцирующую по значению силу материала и через конкретизирующую значимость формы в определенный предмет, который не позволяет отделить особую форму и особый материал. У особого материала нет предметности без особой категории, а у формы нет другого содержания, чем определенный материал: он полностью разрушает структуру предмета, если форма и материал отделяются друг от друга; также бессмысленно предположить возникновение отношений формы и материала только через активность субъекта познания. Дифференцированная форма и особый материал образуют тесную, лишь насильно разделяемую, структуру суждения.

Можно предположить, замечает философ, что значимое вообще дифференцируется через особый материал, а материал окружается самым значимым, когда оба полюса предмета соединяются в особую реальность. Гармония обоих членов предмета предполагает возможность дисгармонии, которая не дана через двухстороннюю обусловленность. Гармония и дисгармония предполагают пропасть между формой и материалом, которые в самом предмете не имеют места. Гармония и дисгармония оправданы лишь для активности субъекта.

Таким образом, утверждает немецкий мыслитель, познавать означает поставить материал в теоретическую форму, ведь само познание представляет собой овладение предметом через субъект. Категория и суждение как формы познания относятся к противоположным сферам. Противоположность смысла суждения и разделенность частей суждения предполагает антагонистический смысл категории и ее материала в их простом взаимопроникновении.

**Положительная и отрицательная ценность. Общее понятие смысла.** По мнению Ласка, сам предмет познания уже есть ценность, поскольку он — мера всех ценностных отношений; именно в предмете находится источник ценности для субъективного отношения. «Попадание» («встреча») или «промах» («пропуск») субъекта познания, как истина или заблуждение, не исходят из предмета, ибо сам предмет не выражает позитивную ценность. Предмет как изначальная ценность независим от познавательного отношения.

*Познанию предшествует не чисто алогичный, но уже категориально-логичный материал, сама категория как абсолютно значимое создает возможность для субъективного познания.* Значимость образует ценность предмета, а ценность вытекает из значимости, если субъект познания направлен на предмет.

Итак, ценность — это проявление предмета для субъекта, уточняет философ. Не позитивная ценность, а ценность абсолютная дает оригинал познания. Ценность есть значимость, т.е. нечто логическое, а не алогическое. Ласк признает существование, с одной стороны, личных, субъективных ценностей, к которым он относит все «практические» ценности, а с другой — транссубъективных ценностей, существующих в сфере идеального бытия и постигаемых интуитивно. Именно они придают человеческой жизни, личностным переживаниям ценностный характер. К таким транссубъективным ценностям ученый относит все религиозное и эстетическое. В конечном счете, все существующее в сфере идеального бытия, поскольку оно имеет интенциональный характер, оказывается сводимым к понятию ценности. Поэтому вслед за Виндельбаном и Риккертом Ласк определяет философию как *учение о ценностях*.

Предмет познания и познавательная деятельность, говорит Ласк, имеют общую основу: оба они есть строение разума. Несмотря на то, что предмет своей категориальной, смысловой и выраженной формой влияет на независимый от выраженного мнения материал, внутренний смысл предпосылает субъективному действию предмет, независимый от действия, который и есть смысл. Реальный и субъективный, трансцендентный и внутренний смыслы суть оригинал и копия структуры смысла. Смысл [Sinn] в общем понимании есть материал, полагаемый в логической форме, а «истинность или ложность является ценностным качеством смысла» [4. Bd. 2. S. 428]. Следовательно, сам предмет оказывается значимым, ценностью, смыслом.

Понятие «смысл» [Sinn] можно ограничить субъективно-внутренним смыслом, так как смысл всегда есть «смысл чего-либо». Тем самым под понятием «смысл» подразумевается «абсолютный смысл». Предмет «выполняет» оба значения: это абсолютная область смысла, которая содержит в себе отношение, мнение и полагаемое в связи его элементов, формы и материала. Подобным образом можно назвать предмет «абсолютной истиной», можно обозначить его как «истину о материале»: в качестве истины он есть оригинал для изобразительно субъективной истины. Терминологически Ласк обозначает «оригинальную истину» как «истину абсолютную», а «изобразительно субъективную истину» как «соответствие истине», поскольку она предполагает абсолютную истину. Из удвоения смысла и истины познания должен быть понятен этот двойной смысл: познание предполагает субъекта познания, который может «встретить» [treffen] или «упустить» [verfehlen] его объект.

**Моделирование трансцендентного смысла.** Пытаясь обосновать метафизику как трансцендентальное учение о сверхчувственном, Ласк решает центральную для своей теории познания *проблему трансцендентного*. Данная в познании действительность имманентна сознанию, однако существует объективная, независимая от субъекта, но полагаемая им, трансцендентная реальность. Все копирование есть процесс внутренней трансцендентности, результатом которого является захватывание трансцендентного предмета через субъект.

Субъект — это основа для возникновения образной сферы, поясняет гейдельбергский ученый. Активность субъекта оставляет свои следы на оригинальной структуре трансцендентного предмета, в результате чего структура формы и материала разрывается, категория и данное отделяются, а потом вновь связываются. В трансцендентном предмете «...трансцендентное считается, как уже противостоящее субъективности, уже в его месте объекта [Objektsstellung]... Это краткое наименование для трансцендентного, сохраняющего свою трансцендентную структуру в ситуации становления качества имманентности [Immanent-gewordenheit]» [4. Bd. 2. S. 415].

При этом субъект познания не является пассивным по отношению к предмету, он захватывает его, преобразует его так, что оригинальное тесное строение формы и материала теряется. Новые логические формы перерабатываются в копии предмета; они получают ту форму, которую выработала формальная логика, поэтому формальная и имманентная логика совпадают, а им противопоставляется противоречивая трансцендентная логика. В деятельности субъекта познания, полагает философ, есть то, что сохраняется: это смысл, который предполагается как цель субъективного стремления. Смысл лишь изменяется, в то время как оригинальная структура «решается» взаимопроникновением формы и материала. Детали смысла области суждения постоянно указывают на объективные трансцендентные предметы и через эти дополнения принимают участие в абсолютности.

В теории познания, утверждает Ласк, философия может предложить два пути: она может сама обратиться к истинному, как объекту познания, но может исследовать и субъективное понимание истинного; другими словами, она занимается теорией истинного или теорией познания, учением об истине или гносеологией. Тем самым учение об имманентном смысле в познании, которое полагает истину в себе, представлено в учении о познании, включая при этом учение об истине. В свою очередь, смысл, содержащийся во внутреннем суждении, представляет собой тесное соединение субъективного познания и предмета, которые друг без друга невозможны.

Весь процесс познания независимо от результата, рассуждает Ласк, предполагает в-себе-состоящий-предмет, который является последней осмысленной целью познания. На этом первом вмешательстве субъекта в реальную предметную структуру основывается второе вмешательство, которое движется в значимых противоречиях между оценками «верно» и «ложно». Формальная верность готового суждения непосредственно нацелена не на предмет, а на соответствие, расположенное в суждении между предметом и формальным результатом. Соответствие и несоответствие истине становятся абсолютной мерой для верности или ложности готового суждения, но только через отношение к предмету, получая от этого абсолютность и нормированность, где норма есть уже противоречиво разделенная ценность.

Соответствие истине делает готовое суждение полным смысла, считает немецкий мыслитель, так как оно дает уму абсолютную меру, с которой «решение» должно совпадать. Это предполагает, что объект не определен через «решение» имманентной ценности; ведь изначально соответствие истине противопоставлено готовому суждению, поскольку в известной мере оно относится к трансцендентному предмету. В готовом суждении уже существует смысл. Поэтому верность и ложность также представляют смысл, ибо они являются объективно и независимо составленным мнением. Само внутрисубъективное действие, которое в дальнейшем удаляется от объективного предмета, формирует готовое суждение. Изменения предметной структуры в готовом суждении происходят и дальше: ранее в состоянии соответствия истине были разорваны категория и категориальный материал, а теперь готовое суждение отделяет строение элементов смысла от качества значения.

Готовое суждение ценно, если трансцендентный предмет передает соответствие истине и получает ценность, которая изначально присуща лишь предмету. Вся активность субъекта и действие готового суждения получают ценность от дающих норму объектов.

Итак, делает вывод баденский ученый, первичный объект состоит из субъекта, предиката, копулы; это первый этап суждения, который предшествует его «решению». Готовое («решенное») суждение прямо ссылается на копулу. Соответствие истине имеет решающую инстанцию в структуре формы и материала сверхчувственного предмета; оно само, его гармония субъекта и предиката, образует единую основу для верности и ложности готового суждения. У подлинности и ложности нет прямого отношения к предмету, они являются выраженным смыслом суждения, который в дальнейшем будет удален от начала смысла, от предмета. Они представляют собой центр имманентизации.

В центре субъекта деятельности объективная норма регулирует образ действия. Вся ценность идет от предмета до центра имманентизации, имея в себе подлинность и ложность. Подлинность или ложность в себе знает лишь суждение; понятия, изображающие смысловую структуру без «решения» не обнаруживают подлинности и ложности, но у них есть соответствие или несоответствие истине и выраженный смысл, которому может соответствовать истинное полагемое. Поэтому они могут быть преобразованы в суждения через добавление копулы. Подлинность и ложность есть только в суждении; верное суждение предполагает соответствие истине, оно также есть и в понятии.

На заключительных этапах познания творчество субъекта отражает трансцендентный предмет, подчеркивает философ, а преобразование значимого во внутреннее изображает во всех функциях противоречиво ценностный смысл — произведение из субъекта и всегда объективный смысловой состав, который в предмете имеет соответствие. Кроме того, для завершеного познания должно быть готовое («решенное») суждение, поскольку проблематичное суждение не заканчивает познание; лишь «решение» суждения несет в себе завершение. «Решение» суждения может быть, а может и не быть, но только в нем заключается подлинное или ложное, третьего не дано.

В трансцендентальной логике Ласка *суждение является зерном субъективного действия, центром познания*. Если суждение изменяет трансцендентный смысл предмета и создает вытекающие из действия противоречия ценности, то объективный смысл связывает истину объекта, что является нормой. Следовательно, *истина исходит из трансцендентного предмета*, и именно это является главной проблемой теории познания как метафизики.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1976. Т. 1.
2. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3.
3. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О.Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. М., 1998.
4. Lask E. Die Lehre vom Urteil // Lask E. Gesammelte Schriften / Hrsg. von E.Herrigel. Tübingen, 1923. Bd. 2.
5. Rickert H. Emil Lask // Lask E. Gesammelte Schriften / Hrsg. von E.Herrigel. Tübingen, 1923. Bd. 1.
6. Sommerhäuser H. Emil Lask in der Auseinandersetzung mit Heinrich Rickert. B., 1965.